

УДК 794(091)+904(571.121)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-100-111

Пархимович С. Г.
Parkhimovich S. G.

**НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ
В КОНЦЕ XVI – XVIII в.: ТАВЛЕИ**

**BOARD GAMES IN SIBERIAN TOWNS
AT THE END OF THE 16th–18th CENTURIES: TAVLEI**

Статья посвящена азартной настольной игре «тавлеи» (она же «нарды», «шеш-беш» на Востоке и «триктрак» в Европе), известной на Руси с XIV–XV вв., а в сибирских городах и острогах – с конца XVI по XVIII в. Рассматриваются археологические свидетельства об этой игре, встреченные при раскопках Мангазейского городища и других русских сибирских городов и острогов: костяные фишки, или шашки, игральные кости и уникальная мангазейская находка – первая на территории России тавлейная доска (начало XVII в.).

The article is devoted to the gambling board game "Tavlei" (aka "Backgammon", "Shesh Besh" in the East and "tric-trac" in Europe), known in Russia from the 14th–15th centuries, and in Siberian cities and ostrogs (forts) from the late 16th to 18th centuries. The archaeological evidence about this game is examined. The evidence was found during the excavation of the Mangazeya settlement and other Russian Siberian towns and forts: bone chips, or checkers, dice, and the unique mangazeiskaya discovery that is the first in Russia tavlei board (the early 17th century).

Ключевые слова: тавлеи, тавлейная доска, игральные кости, шашки, фишки, зернь, Мангазея, сибирские города.

Keywords: tavlei (tafl game), tavlei board, dice, checkers, chips, zern (grains), Mangazeya, Siberian towns.

Проблема появления и распространения настольных игр на Руси заинтересовала исследователей еще в начале XIX в., когда шахматные теоретики И. Г. Бутримов и К. А. Яниш, а вслед за ними историки А. Н. Грачевский и М. К. Гоняев попытались выяснить истоки и пути проникновения шахматной культуры в древнерусское общество [1, с. 4–6]. Вплоть до 1940-х гг. освещение игровой тематики ограничивалось главным образом скухими сведениями из письменных источников и красочными, но запутанными описаниями в былинных эпизодах. Поэтому долгое время исследования носили характер этимологических упражнений с шахматной терминологией и фиксации позиций государственной и церковной властей по отношению к азартным настольным играм, к которым источники XIV–XVI вв. причисляли шахматы («шахы»), «тавлеи» и «леки» («леки», «лейки») [2, с. 100–101; 1, с. 5–8, 22–42, 106–109].

До конца XVI в. эти игры упоминались исключительно в церковных посланиях и поучениях, где они осуждались как занятия «богомерзкие» и «бесовские», а в XVII в. азартные настольные игры стали фигурировать в документах приказного делопроизводства, государственных указах и наказах, а также в многочисленных челобитных. Примечательно, что ко второй половине XVI в. термин «леки» из текстов исчез, зато наряду с «шахматами» и «тавлеями» стала упоминаться «зернь». С конца XVI в. широкое распространение получила популярная в Западной Европе картежная игра, бумажные карты которой завозились в Московское государство большими партиями.

Из перечисленных игр в комментариях не нуждаются разве что шахматы и карты, содержательная сторона прочих является предметом неясным и спорным – какие-либо их описания в письменных источниках отсутствуют. Исследователи выдвинули различные интерпретации архаичных ныне названий игр. Так, например, по поводу термина «тавлей» Г. Ф. Корзухина заметила, что он относился, скорее, только к игровой доске, на которой велись игры в шахматы и «леки». Игра в «леки» («лики»), по ее мнению, была основана на подсчете очков, ходов, клеток, т. к. в польском и белорусском языках слово «лик» означает «счет, число, количество». Следовательно, в этой игре, кроме шашек или фишек, использовались «игральные кости с глазками» [2, с. 100]. При этом она опиралась на мнение Б. А. Рыбакова об отождествлении названия игровых досок с «тавлеей», однако в его работе такого утверждения вовсе нет, напротив, он говорил об игре «тавлей» (выделено мною. – С. П.), с которой связывал найденные в Новгороде Великом и Пскове доски XII–XIII вв. с резными «вавилонками» – системой вписанных квадратов [3, с. 88].

По мнению И. М. Линдера, в XVI–XVII вв. «тавлями» на Руси называлась пришедшая с Востока игра в «кости», которая ранее называлась «леки» и «зернь» [1, с. 102].

Трактуя эти термины, авторы опирались прежде всего на их немногочисленные упоминания в текстах XIV–XVI вв. При этом архаичные термины «тавлей», «леки» и «зернь» рассматривались ими попутно, поэтому их замечания и выводы относительно значения этих слов представляют собой, скорее, догадки и предположения, не все из которых являются безупречно аргументированными.

Обращение к выдержкам из письменных источников, на которые ссылались оба автора, убеждает, что предложенные ими трактовки термина «тавлей» несостоятельны. В источниках «тавлей» перечисляются в одном ряду с «шахматами», «леками» или «зернью»: «Тавлей и шахы в многих вас обретаемы суть...»; «И биричем играют, и шахы, и леки, и тавлей...»; «...игают... и зернью, и шахматы, и тавлесьми...»; «...и зернию и шахматы и тавлей... творят» [2, с. 100; 1, с. 106, 108]. Это обстоятельство указывает на то, что для средневековых авторов перечисленные термины означали явления одного порядка, а именно разные самостоятельные игры.

Путаный характер описаний игр в этих эпизодах привлек внимание исследователей былин еще в XIX в. Первым на это обстоятельство обратил внимание известный историк искусств В. В. Стасов: «...богатыри наших былин нередко играют в какую-то игру на шахматной доске; песни иной раз называют эту игру «шашки-шахматы» и тут же прибавляют: «тавлей немецкия». Казалось бы, на первый взгляд, естественнее всего предположить, что здесь речь идет об игре в шахматы. Но это совсем не так. Описывая калмыцкий образ жизни и нравы, Бергман рассказывает, что у калмыков в большом употреблении одна персидская игра, которую калмыки зовут *нарр*, а русские *тавляя*. Она похожа на европейский триктрак. Играют на низеньком столе; у каждого игрока есть по 6-ти мест (квадратов), по которым мечут белые и черные камешки. Эта азартная игра любима на Востоке с глубокой древности [4, с. 303].

Известный фольклорист О. Ф. Миллер объяснил употребление разнородных терминов в былинных описаниях тем, что «...тут, по-видимому, эпически наслоились две различных игры» [5, с. 508]. Позднее с «коллегами по цеху» согласился советский фольклорист В. Я. Пропп, который, процитировав выдержку из былины, где Добрыня Никитич играл с Батыем «тавляюшками волящатыми» (т. е. точеными, или резными), пришел к выводу, что певец спутал тавлей – «особую игру в кости, требующую большой ловкости» – с шахматами. Он выразил уверенность, что первоначально в былине фигурировала именно эта игра, а впоследствии она была вытеснена шахматами, известными лишь понаслышке [6, с. 364].

Мнение Проппа не разделил И. М. Линдер, отстаивавший хронологический приоритет шахмат на Руси перед тавлеями. Не будучи специалистом по русскому фольклору, он разделил мнения знатоков былин о природе путаниц в описаниях игр, назвав эти описания «бессмыслицей». Однако для одного из вариантов былинных эпизодов И. М. Линдер сделал исключение. В выражении «играют в шашки-шахматы во тьи велеи золоченыя» (О. Ф. Миллер вслед за издателями русских былин справедливо отметил, что написание «велеи» («*тыи велеи*») требует исправления на «тавлеи» [5, с. 508]) он почему-то увидел «...совершенно конкретный смысл: фигуры («шашки»), игра с доской («велеи») и само название игры («шахматы») [1, с. 104]. Какими-либо доказательствами такое прочтение былинной «формулы» не сопровождалось.

Линдер полагал, что «пришедшая с Востока игра в кости», известная там под названием «нарды», на Руси появилась не ранее XII–XIII вв. и первоначально именовалась «леками», или «зернью», а «тавлеями» ее стали называть лишь в XVI в., что следует из упоминания этой игры в «Пчеле» – древнерусском сборнике «поучительных глав из писания, святых отцов и мудрых мужей» [1, с. 102]. Приведенная им фраза из этого сборника – «тавлеи и шахи у многих из вас обретаемы суть...» – в несколько иной транскрипции представлена и в статье Г. Ф. Корзухиной, но там она датирована более ранним временем – XIV–XV вв. [2, с. 100]. Однако в датировке этой фразы, а следовательно, и факте первого упоминания игры в тавлеи в русских письменных источниках оба автора оказались не совсем точны: она встречается в рукописи № 579 из Синодальной библиотеки, выдержки из которой опубликовал в «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языков» Ф. И. Буслаев, датировавший ее XIV в. [7, стб. 553].

Шахматы в древнерусских текстах впервые были упомянуты в Кормчей 1262 г. [1, с. 78], но этот факт отнюдь не свидетельствует о появлении этой игры на Руси раньше, чем тавлей.

Против безоговорочного признания тождественности древнерусских тавлей и восточных нард выступил шашечный гроссмейстер В. М. Голосуев – автор исследования, посвященного истории возникновения современных шашек. Рассмотрев упоминания архаичных игровых терминов в письменных источниках, былинных и даже литературных источниках XIX в., он заключил, что шашки появились на Руси в древнерусский период, но фигурировали в ранних источниках под названием «тавлеи». Это утверждение не сопровождалось какими-либо доказательствами и было своего рода вынужденным «ходом» гроссмейстера, которому в апологии идеи раннего появления игры в шашки на Руси мешал факт отсутствия упоминаний о ней в русских письменных источниках XIII–XVII вв. Более того, оно противоречило определению термина «тавлеи» в «Словаре Академии Российской»: «игра, в которой мечут двумя костями и по числу точек, какое они покажут, ставят на соответственные сему числу месте плитки» [8, стб. 2, 3].

Между тем известно, что популярная в средневековой Европе игра, идентичная современным нардам, изначально называлась там терминами, созвучными древнерусским «тавлеям» и восходящими к латинскому названию подобной игры – *tabula*: в Испании – *tablero* или *tablas reales*, в Англии – *tables*, в Италии – *tavola reale*, во Франции – *jeu des tables* (затем – *trictrac*), в Греции – *tavli*, в Турции – *tavla* [9]. Из этого перечня очевидно, что сама игра и ее название попали на Русь из Европы (в Средней Азии и на Кавказе эту игру называли «нарды» или «шеш-беш» [9]), где она получила широкое распространение в XII в. после возвращения крестоносцев с Ближнего Востока [10]. Поэтому нет никаких оснований считать, что первоначально на Руси «тавлеями» именовали только доску для настольных игр – шахмат или шашек, и лишь в XVI–XVII вв. (по И. М. Линдеру) или в конце XVIII в. (по В. М. Голосуеву) стали называть игру «нардового характера».

Ко второй половине XIX в. термин «тавлеи» в России стал анахронизмом, будучи вытеснен, по крайней мере в дворянском обществе, французским термином «триктрак», хотя связь между ними осознавалась. Так, например, в анонимном руководстве для начинающих игроков «Триктрак, объясненный условиями и положениями игры и правилами разыгрывания» прямо указано: «игра в тавлеи или триктрак», а доска для игры названа «триктрак, или тавлейная доска» [11, с. 3–5]. Примечательно, что там же фишки для игры в триктрак именуются «шашками» или «дамками», хотя речь идет вовсе не об игре «шашечного типа».

Неоднозначность в употреблении термина «шашка» в XVIII–XIX вв. отражена и в толковых словарях. Так, например, в словаре В. И. Даля, зафиксировавшем состояние лексики в первой половине XIX в., отмечены следующие его значения:

- «всякий мелкий отрубочек, кубик»;
- «кость игральная с очками» (! – С. П.);
- «точеный кружок, стопочка для игры на доске в 64 клетки, и самая игра эта»

[12, с. 164].

«Шашка» фигурирует и в толковании Далем терминов «тавлея» (с пометкой «стар.» – старинное) и «триктрак»:

- «Тавлея – шашечница; игра в шашки; игра в кости, на расчерченной для сего доске»;
- «Триктрак – муж. игра в кости и шашки, на особого рода тавлее» [12, с. 395, 444].

Как видим, В. И. Даль, обратив внимание на многозначность (кубик, точеный кружок, игральная кость и игра в шашки «на доске в 64 клетки») термина «шашки», все же различал игру «шашечного типа» – шашки и «нардового типа» – триктрак, устаревшим названием которого являлось «тавлеи». При этом он подчеркнул, что в триктрак-тавлеи играли на «особого рода тавлее», т. е. тавлейной доске, назвав ее еще и «шашечницей», т. к. неперенным атрибутом этой игры наряду с игральными костями были шашки, да и сами кости также именовались шашками.

В целом, исходя из рассмотренных толкований термина «тавлеи» (триктрак) и контекстов его упоминаний в письменных источниках, очевидно, что специфическая настольная игра, идентичная нардам и триктраку, появилась на Руси не позднее XIV в.

Наглядное представление об инвентаре для игры в тавлеи-нарды дает упомянутое выше руководство для игры в триктрак. В разделе «О приборе для игры» подробно описаны соответствующие принадлежности. Наиболее показательной и специфической из них является «тавлейная доска», она же «триктрак», она же «складни или складная шашечница (! – С. П.) с бортами и двадцатью четырьмя *стрелками*, или клинками... и с *дырочками* на бортах для отметки партий». В руководстве приведен и рисунок такой доски [11, с. 36]. Прочие необходимые принадлежности включают «тридцать дамок, пятнадцать белых... и пятнадцать черных...», два рожка или деревянных стакана, две игральные кости, три марки и два скрипичных колика... или гвоздика для отметки партий» [11, с. 5].

В археологических коллекциях из раскопок древнерусских городов тавлейные принадлежности до сих пор не выявлены или не опознаны. Об этом свидетельствует обзор предметов, связанных с настольными играми, представленный в главе «Игры взрослых и детей» тома «Древняя Русь. Быт и культура», где тавлеи вообще не упомянуты [13, с. 110–114]. Бесспорным свидетельством бытования этой игры могла бы стать тавлейная доска, но о таких находках ничего не известно. В связи с этим отмечу, что и шахматные доски не были обнаружены ни в одном из древнерусских городов, где по состоянию на кон. 1990-х гг. была собрана довольно представительная (более 160 экз.) коллекция деревянных и костяных шахматных фигурок [13, с. 110–114].

Другие атрибуты этой игры – игральные кости – кубики и фишки, или «шашки», «дамки» (в терминологии руководства по триктраку) – однозначно связывать с нею нельзя, т. к. аналогичные кубики использовались и в простой игре в кости, известной на Руси с XVI в. под названием «зернь», где тавлейная доска не требовалась.

Однако принадлежность таких изделий к игре «народного типа» все же остается не менее вероятной, чем к указанным играм. В случаях совместного компактного залегания в культурном слое игровых костей и фишек такие неполные комплекты с большой степенью вероятности можно относить именно к тавлеям (нардам, триктраку).

Игральные кости, аналогичные современным народным костям, – кубики с точечной маркировкой на гранях – найдены при раскопках в Новгороде. К 1982 г. было известно о находках 18 костяных кубиков с размерами сторон 1,0–1,5 см, залежавших в слоях XII–XV вв. [14, с. 87]. По одному такому кубику было найдено в Твери (в слое, датированном 1333–1364 гг.), Изборске (в слое XII–XIII вв.) и Пскове (в слое кон. IX – нач. XI в.) [15, с. 118, рис. 115 – 7; 16, с. 11–12, рис. 6 – 19; 17, рис. 4 – 3].

В Москве четыре костяных кубика обнаружены при раскопках в Кремле в слоях кон. XV – XVI в. [18, с. 277, рис. 6 – 6; 19, с. 121], а в Ивангороде один кубик – в слое кон. XV – XVII в. [20, с. 65, рис. 2 – 1].

В Сибири игральные кости-кубики найдены в Тобольске – не менее двух, в Берёзове, Кузнецком и Алазейском острогах – по одному (сер. XVII – XVIII в.), Томске (XVIII в.) и Полуйском городке (кон. XVI – первая треть XVII в.) – по два и на Мангазейском городище – не менее 130 штук (XVII в.) [21, с. 68; 22, рис. 126 – 3; 23, с. 52; 24, с. 60, 66, 70, 80, 88; 25, с. 42; 26, с. 41, табл. 56 – 1; 27, с. 173, рис. 176 – 15, 26; 28, с. 213, рис. 3.62 – 12, 13].

Из этого перечня видно, что мангазейская коллекция многократно превосходит скромные собрания как древнерусского периода, так и позднего средневековья и даже нового времени. При этом следует отметить, что по объему полностью изученного культурного слоя (около 1200 кв. м). Мангазейское городище значительно уступает городам европейской части России – Новгороду, Москве, Твери, Старой Рязани – и сопоставимо по объемам раскопок с Тобольском, Томском, Тарой, Лозьвинским городком, Берёзовом и Алазейским острогом. Этот факт свидетельствует, во-первых, о значительном повышении популярности «костарных» игр – зерни и тавлей – на Руси к XVII в., а во-вторых, о колоссальном размахе их именно в Мангазее.

Мангазейские кости-кубики, как и большая часть таких костей из других памятников Древней Руси и Московского государства, выполнены в соответствии с европейскими стандартами: очки обозначены мелкими неглубокими сверлинами-ямками на шести гранях, а сумма очков на противоположащих гранях равняется семи (одна – шесть, две – пять, три – четыре) (рис. 1 – 17–22). Данное обстоятельство однозначно указывает на заимствование «костарных игр» из стран Западной Европы.

Кости изготавливались из бивней мамонтов, из которых выпиливались брусочки со сторонами от 0,8 × 0,75 см до 1–1,3 × 1,1–1,95 см. Таких брусочков в мангазейской коллекции – 46. Отпиленным от брусочков заготовкам придавалась необходимая форма, после чего грани тщательно шлифовались и маркировались надсверленными ямками. Незаконченные игральные кости (без маркировки) из бивня мамонта представлены 32 экземплярами. Наличие в мангазейской коллекции заготовок полуфабрикатов-брусочков свидетельствует о масштабном производстве игровых костей непосредственно в Мангазее. В то же время такие кости в большом количестве привозили туда «торговые люди»: только в 1634 г. Иван Толстоухов, Максим Михайлов и Евдоким Иевлев завезли 150 «игр костей зерновых» [24, с. 60].

Маркировка костей выполнена неглубокими (около 1 мм) надсверленными ямками диаметром 1–1,3 мм. Размеры граней варьируются от 0,6 × 0,6 см до 0,9 × 0,95 см. Идеальную

кубическую форму имеют единичные экземпляры; у остальных в размерах граней имеются расхождения – от почти незаметных – 0,1–0,2 мм до явно выраженных – 0,8–1,5 мм. Намеченный характер изготовления таких костей-«параллелепипедов» вероятен, но не очевиден. Возможно, мастера и не стремились к достижению идеальной кубической формы. Тем не менее некоторые кости с заметными отклонениями (около 1–1,5 мм) могли быть шулерскими, т. к. более широкая грань имеет больший шанс на выпадание [31]. О том, что в среде мангазейских любителей «костарных» игр – тавлей и зерни – промышляли мошенники, свидетельствует присутствие в скоплении из пяти костей двух явно шулерских экземпляров, «заряженных» ртутью. Внутри этих костей через ямки-метки были искусно высверлены полости, частично заполненные ртутью. Отверстия в ямках-метках были залеплены воском. Внешне эти кости ничем не отличались от прочих. Столь изощренный «воровской» прием был известен и в Европе [31]. Остается только догадываться, что вынудило мангазейского шулера скинуть эти кости на заднем дворе одной из усадеб.

Были эти кости завезены в Мангазею или изготовлены местным умельцем – неясно, но, с учетом свидетельств массового производства игральных костей, присутствие среди мангазейских косторезов мастеров высокой квалификации вполне вероятно. В их распоряжении была т. н. «заморенная» кость (в основном бивни мамонта), обильно встречающаяся по берегам Таза и других окрестных рек. Не была дефицитом и ртуть для «заряживания» шулерских костей. Этот редкий металл завозился в заполярный город: в таможенной «зборной» книге 1635 г. отмечено поступление на мангазейский рынок четырех фунтов ртути [25, табл. XVIII], т. е. около 1,5 кг, что является довольно солидным количеством для столь редкого металла. Ртуть завозили, конечно, не для «воровских» костей: в XVII в. она пользовалась популярностью как лекарственное средство от кожных болезней, сифилиса, стоматита, заворота кишок, а также для избавления от вшей и блох [32].

Тавлейные шашки встречены в археологических материалах многих русских городов. Это небольшие квадратные или прямоугольные костяные пластинки, размером от 1,6–1,7 × 1,7 см до 2–2,4 × 2–2,8 см, декорированные гравированными циркульными «глазками», часто в сочетании с одной или двумя-тремя большими концентрическими окружностями в центре. Такие пластинки, именуемые исследователями «шашками» или «фишками», встречены как в европейской части России (в Твери – семь экз., Москве – более трех экз., Чердыни – 10 экз., а в Ростове, Суздале и Ивангороде – по одному), так и Сибири (в Томске, Берёзове и на городище Искер – по одному, в Алазейском остроге – 12, на Мангазейском городище – около 50) [33, рис. 120 – 5; 32, с. 41, табл. 56 – 2–8; 30, рис. 128 – 1–2; 23, с. 43, табл. 43 – 1–7; 34, рис. 7 – 7; 18, с. 277, рис. 6 – 1, 2; 10, с. 103, рис. 164 – 13, 14; 35, с. 191, рис. 3 – 4; 15, с. 118, рис. 115 – 17–21; 20].

Известны 12 разновидностей знаков на этих пластинках: от простейших – одного циркульного «глазка» или круга в центре – до более сложных комбинаций – из трех-девяти «глазков» и различных сочетаний «глазков» и кругов. Как правило, идентичные знаки наносились на обе стороны пластин.

Бытование таких пластинок-шашек укладывается в хронологические рамки с XI по XVIII в. Самая ранняя находка происходит из слоя первой половины XI в. (Ростов) [36, с. 147, рис. 10 – 4], однако остальные пластины собраны в более поздних слоях: суздальская датирована широко – XII–XV вв. [35, с. 192], тверские – кон. XIV – сер. XV в. [15, с. 118], искерская – кон. XVI в., мангазейские – первой пол. XVII в. [25, с. 42, 43; 30, с. 103], томская – сер. XVII – сер. XVIII в. [27, с. 170, 171], а алазейские – сер. XVII – XVIII в. [26, с. 17, 26–28], берёзовская – второй пол. XVII в. Сузить хронологические рамки позволяют косвенные данные: в Новгороде в слоях до сер. XV в. такие пластинки не встречены. Это обстоятельство может свидетельствовать об их широком распространении лишь после кон. XIV – сер. XV в.

По поводу назначения пластин имеются различные точки зрения. Так, например, В. А. Лапшин занял достаточно осторожную позицию, отнеся тверские находки к игровым принадлежностям, но отметив при этом, что «...назначение серии из 7 квадратных накладок ...с циркульным орнаментом» неясно [15, с. 118]. Другие исследователи чаще ограничивались интерпретацией их как игровых фишек [26, с. 41] или шашек [18, с. 277; 35, с. 191, 192]. Оригинальную версию выдвинул О. В. Овсянников, предположивший, что такие «кости-пластины» были игральными картами: «Вряд ли игральные карты были бумажными, скорее всего, это ...костяные фишки» [25, с. 43]. Это предположение нельзя признать состоятельным, т. к. из письменных источников известно, что не позднее кон. XVI – нач. XVII в. в Московское государство большими партиями завозились бумажные европейские карты [37; 38, с. 23, 24]. О костяных фишках-картах источники ничего не сообщают. Кроме того, и оформление пластин не отвечает карточным канонам:

- у них нет обязательного различия рисунков на лицевой стороне-«рубашке», более того, композиции на обеих сторонах, как правило, идентичны;

- отсутствуют принятые с XV в. в Европе знаки мастей (мечей, кубков, чаш, копий, жезлов и т. д.), не говоря уже о фигурах людей.

Не может отражать многообразие карточной маркировки и ограниченный набор вариантов узоров на пластинах: в наиболее представительных коллекциях встречены от 3–4 до 8 вариантов узоров.

По мнению М. П. Черной, «...фишки с точками-«зернами» являются принадлежностью какой-то игры в зернь, с которой традиционно связывают игровой кубик». Это утверждение базируется на восприятии комбинаций «глазков» на пластинах как маркировки очков: «...наличие «глазков»-очков свидетельствует об игре, основанной на счете» [26, с. 173].

Неоднозначность и даже неопределенность трактовки таких пластинок объясняется отсутствием сведений, которые могли бы свидетельствовать об их принадлежности к той или иной настольной игре. В связи с этим, несомненно, важными представляются материалы и наблюдения, полученные при раскопках Мангазейского городища.

Экспедицией ААНИИ под руководством М. И. Белова (1968–1970 гг. и 1973 г.) на городище были найдены «около полутора десятков» таких пластинок «толщиной 0,3–0,5 см (размер в среднем 2 × 2 см). О. В. Овсянников отметил, что «на обеих их сторонах нанесено различное количество кружков и точек (но всегда одинаковое с обеих сторон)», однако в иллюстрациях представлен экземпляр, на одной стороне которого четыре «глазка» по углам, а на другой – лишь один в центре [25, с. 43, табл. 43 – 4].

В новой мангазейской коллекции, датированной первой половиной XVII в., имеются 35 пластинок из бивня мамонта с «глазчатыми» и «глазчато»-круговыми знаками (рис. 1 – 6–16). Все они имеют размеры от 1,5–1,7 × 1,6–1,8 × 0,3–0,4 см до 2,3 × 2,3 × 0,3–0,4 см. На 32 из них с обеих сторон имеются идентичные композиции знаков («глазков» и кружков); на двух экземплярах одна сторона чистая; в одном случае кружки в центре пластинок на обеих сторонах различаются размерами. Всего найдено 8 вариантов узоров. Самый распространенный – четыре «глазка» по углам (16 пластинок). Один «глазок» в центре представлен на 11 экземплярах, один кружок в центре – на 3 экземплярах. Остальные варианты единичны:

- четыре «глазка» по углам и один в центре;
- шесть «глазков» «в три ряда»;
- концентрические круги в центре в сочетании с угловыми «глазками» – по одному, по два и по три, сгруппированных треугольником.

Особый интерес представляют 27 экземпляров, залежавшие компактно вместе с двумя игральными костями-кубиками между усадьбами 2 и 3 в слое 1618–1630 гг. В этом

собрании 15 экземпляров орнаментированы четырьмя «глазками» по углам, 11 пластинок – одним «глазком» в центре и один экземпляр – концентрическими кружками в центре в сочетании с парами «глазков», расположенными по диагоналям в углах (рис. 1 – 9, 11). В целом налицо комплект игральных принадлежностей для двух игроков: один полный полукомплект из 15 пластинок, другой неполный – не хватает четырех экземпляров. Число пластинок полного полукомплекта соответствует составу шашек для игры в нарды (триктрак, тавлеи), где к ним полагалось иметь две игральные кости-кубика и доску-тавлею [11, с. 4, 5; 39]. Единственная пластина-шашка с узором, отличающимся от прочих, могла оказаться среди принадлежностей как замена утраченной из второго неполного полукомплекта. Компактность залегания шашек и костей-кубиков может свидетельствовать о том, что этот набор был по какой-то причине спрятан в истлевшем тканевом мешочке и остался невостребованным.

От «классических» нардовых шашек пластинки отличаются формой (первые – дисковидные, вторые – прямоугольные и квадратные) и способом различения полукомплектов: в современных нардах они различаются цветами – белые и черные или других цветов. На прямоугольных пластинках-шашках, как видно по мангазейским полукомплектam, отличительным признаком были гравированные узоры, что, очевидно, объясняется технической причиной – растительные краски плохо держались на костном материале, особенно на чрезвычайно плотной поверхности мамонтовых бивней.

В этом комплекте отсутствует наиболее специфическая принадлежность игры – тавлейная доска, принципиально отличавшаяся от шахматной тем, что ее поле размечали не клетками, а «стрелками или клинками» – по 12 с двух противоположных сторон [11, с. 4, фиг. на стр. 36]. Об их принципиальном отличии и об увлечении игрой в тавлеи при царском дворе в XVII в. свидетельствует фраза из внутридворцовых записей 1679 г.: «Указал великий государь взять из Оружейной палаты доски *шахматные, тавлейные, ...шахматы, ...тавлеи...*» [40, с. 5].

Вероятно, при игре в тавлеи «мангазейщики» использовали и деревянные шашки, которые имеются в мангазейской коллекции в виде пластинок размером 1,3–1,7 × 1,4–1,7 см (19 экземпляров). Все они с обеих сторон украшены резными диагональными крестами: в одном случае крест выполнен тремя линиями (рис. 1 – 4), в остальных – одинарными (рис. 1 – 1–3). В целом они аналогичны костяным прямоугольным шашкам, отличаясь лишь узорами, что объясняется невозможностью нанесения на них «глазкового» и кружкового узора: перовидное сверло разрывало бы волокна прямослойной древесины. Возможно, по этой же причине единственная квадратная (1,3 × 1,3 × 0,4 см) шашка из скотской кости, более мягкой, чем бивень мамонта, декорирована также диагональным крестом (рис. 1 – 5).

Тавлейная доска (или ее заготовка) была найдена под основанием печи в избе усадьбы 3, возведенной в 1622 г., недалеко от места обнаружения описанного комплекта шашек и костей-кубиков. Сохранился лишь один край этой доски (12 × 32 см), на котором тонкими резными линиями размечены 12 «стрелок» длиной до 10 см, расположенных в ряд и разделенных глубокой поперечной линией на две части (по 6 «стрелок») в соответствии с принятыми в нардах правилами оформления (рис. 2 – 1–2). Бортики на доске отсутствовали. Возможно, она была незаконченным или забракованным изделием. Подобные находки в археологических материалах русского средневековья и нового времени до сих пор не встречались или не были опознаны как тавлейные доски, поэтому научную значимость мангазейской тавлейной доски трудно переоценить. Близкое мангазейским «стрелкам» изображение встречается и на современных складных нардовых досках (рис. 2 – 3).

Вероятно, в течение XVII в. игра в тавлеи (нарды) утратила былую популярность, будучи вытеснена более простой игрой в зернь, для которой было достаточно наличия лишь двух костей-кубиков с маркировкой, благодаря чему «игрецы» могли легко избавиться от них или спрятать. Документы XVII в. свидетельствуют о преследовании «самовольных» игроков, так как разрешалось играть только в кабаках или банях, владельцы которых брали азартные игры «на откуп», а доходы с «зерновых пошлин» были существенным источником пополнения государственной казны.

Одно из последних упоминаний о тавлеях содержится в таможенной книге Томска, где говорится о завозе игральные карт, «десяти кости игровые» и всего лишь «двои тавлеи говяжих» [38, с. 23].

Литература

1. Линдер И. М. Шахматы на Руси. М. : Наука, 1964. 162 с.
2. Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси / Советская археология. М. : Наука, 1963, вып. № 4. С. 85–101.
3. Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих / Советская археология. М. : Наука, 1957, вып. № 1. С. 88.
4. Стасов В. В. Происхождение русских былин // Вестник Европы: журнал истории, политики и литературы. Книга № 7. Петербург, июль 1868. С. 292–345.
5. Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб, 1869. 855 с.
6. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М. : Изд-во «Лабиринт», 1999. 640 с.
7. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия православного и древнерусского языков. М. : Университетская типография, 1861. 1632 стб.
8. Словарь Академии Российской. Ч. VI. СПб, 1794. 600 с.
9. Нарды. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org>. (дата обращения: 13.04.2018).
10. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.
11. Триктрак, объясненный условиями и положениями игры и правилами разыгрывания. М., 1869. 116 с.
12. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Том четвертый. СПб. ; М. : издательство книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 712 с.
13. Рыбина Е. А. Шашки, «мельница», шахматы // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М. : Наука, 1997. С. 110–114.
14. Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. : Наука, 1982. С. 3–137.
15. Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
16. Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА № 160, 1979. С. 3–18.
17. Седов В. В. Некоторые результаты археологического изучения Изборска // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула : Гриф и К°, 20026. С. 190–226.
18. Бадеев Д. Ю. Шахматы и шашечные игры (по данным археологических исследований Московского Кремля) // Археология Подмосквья: материалы научного семинара. Вып. 6. М. : ИА РАН, 2010. С. 270–277.
19. Колызин А. М. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // Российская археология, 1989, вып. 2. С. 113–122.

20. Петренко В. П. Исследования Ивангорода // КСИА, вып. 205. М. : Наука. 1991. С. 61–71.
21. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
22. Визгалов Г. П. Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово. Том 1, 2 : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2010 // Архив НПО СА Ф. I. Д. 302/1-2.
23. Ширин Ю. В. Игры первых русских сибиряков // Сибирская старина: краеведческий альманах-2004. № 22. Томск, Томский университет, 1991. С. 45–54.
24. Белов М. И., Овсянников О. В, Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 1. Мангазейский морской ход. Л. : Гидрометеиздат, 1980. 164 с.
25. Белов М. И., Овсянников О. В, Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. 147 с.
26. Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Изд-во «Д'Принт», 2015. 276 с.
27. История нард. URL: <http://www.gambiter.ru/hardy/item/12-istorianard.html> (дата обращения: 13.04.2018).
28. Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург ; Салехард : Изд-во «Магеллан», 2013. 380 с.
29. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Издательская группа «Караван», 2017. 360 с.
30. Шулерские игральные кости. URL: <http://gambler-sapiens.ru/gambling-egquipment/loaded-dice> (дата обращения: 10.02.2018).
31. Ртуть. Применение ртути и ее соединений. URL: <https://slavyanskaya.kultura.ru> (дата обращения: 12.06.2018).
32. Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепалов В. В. Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование). М. : Наука ; Восточная литература, 2017. 456 с.
33. Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 1996. 152 с.
34. Визгалов Г. П. Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Берёзово в 2008 году. Книги 1, 2 : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2009 // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 279/1-2.
35. Беляев. Л. А., Векслер А. Г. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990-х гг.) // Российская археология, 1996. № 3. С. 106–133.
36. Захарова О. Ю. Шахматные фигурки и шашки в археологических коллекциях Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Археология Владимиро-Суздальской земли : мат-лы научного семинара 27–28 октября 2009 г. М. : ИА РАН, 2011. С. 187–192.
37. Леонтьев А. Е. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований) // Историческая археология: традиции и перспектива. М., 1998. С. 135–153.
38. Русские игральные карты: история и стиль. URL: <https://www.cardician.ru/blog/istoriya-russkih-igralnyh-kart.html> (дата обращения: 02.06.2020).
39. Шевцов В. В. Карточная игра в общественном быту России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества. Томск : Томский государственный университет, 2005. 244 с.
40. Голосуев В. М. Древняя и загадочная игра. Мир шашек. СПб., 1997. 216 с.

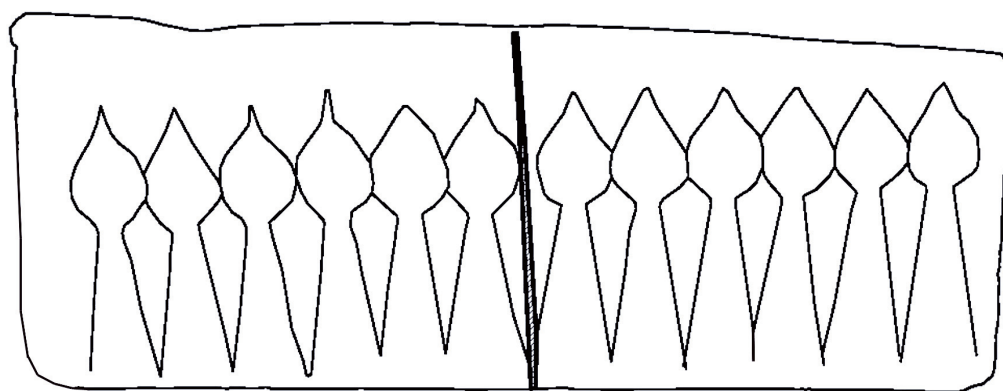

Рис. 1. Тавлейные шашки (1-16) и кубики (17-22): 1-4 – дерево; 5 – скотская кость; 6-22 – бивень мамонта

1

2

3

Рис. 2. Изображения на игровых досках: 1 – тавлейная доска (Мангазейское городище); 2 – прорисовка изображения на тавлейной доске; 3 – современная доска для игры в нарды